

# Кевин Уиндл

---

## Александр Зузенко и австралийская тема в советской литературе

---

Studia Rossica Posnaniensia 32, 11-20

---

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej [bazhum.muzhp.pl](http://bazhum.muzhp.pl), gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

### АЛЕКСАНДР ЗУЗЕНКО И АВСТРАЛИЙСКАЯ ТЕМА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

### ALEKSANDR ZUZENKO AND THE THEME OF AUSTRALIA IN SOVIET LITERATURE

КЕВИН УИНДЛ

ABSTRACT. Aleksandr Zuzenko (1884–1938) was a sailor, journalist and revolutionary who lived in Australia from 1911 to 1919, when he was deported to Odessa, whence he returned to Australia as an agent of the Third International. Deported again, he spent the rest of his life as a Soviet sea-captain until his arrest and execution in Stalin's purges. Some aspects of his life, including his Australian career, were reflected in Soviet literature, in particular in the works of Konstantin Paustovsky and Yurii Klimentchenko. This paper considers Zuzenko and his Australian career as reflected in the works of these writers.

Кевин Уиндл, Австралийский национальный университет, Канберра – Австралия.

Комментируя ранние романтические произведения известного писателя Константина Паустовского, критик Леонид Геллер говорит: „Сталкиваясь с этими грубыми морскими волками с золотыми сердцами, читатель слишком часто испытывает чувство «déjà lu»”. (Trop fréquemment on éprouve une sensation de «déjà lu» [sic!] face à ces rudes loups de mer au coeur d'or)<sup>1</sup>. Критик мог бы добавить, что в нескольких произведениях Паустовского речь идет об одном и том же морском волке, хотя фамилия героя меняется. Если бы Геллер взялся за анализ творчества менее известного писателя-мариниста Юрия Клименченко (1910–1975), то он бы там нашел еще несколько образов грубых морских волков, в том числе того же самого морского волка, о котором пишет Паустовский: капитана Александра Михайловича Зузенко, героя данного реферата. Зузенко был журналистом, боксером, рассказчиком, пламенным оратором, анархистом; по словам его вдовы, это был ярый революционер, а по его собственным словам, террорист. Из официальных австралийских доку-

---

<sup>1</sup> L. H e l l e r, *Konstantin Paustovsky, écrivain modèle: Notes pour une approche du réalisme socialiste*, “Cahiers du monde russe et soviétique” 1985, vol. XXVI, 3–4 July–Dec., с. 342.

ментов с 1919 г. явствует, что его с товарищами считали „особо вредными и опасными людьми” (*particularly virulent and dangerous men*)<sup>2</sup>.

У Паустовского с Клименченко было немного общего. Хотя Клименченко и был наделен немалыми способностями, он не мог соперничать с ярким писательским талантом Паустовского. Однако их объединяли, во-первых, любовь к „экзотике”, к далеким странам, к морю и тяга к романтическим приключениям, и во-вторых, знакомство с моряком, который, как им казалось, представлял собой воплощение романтики революции. Зузенко прожил в Австралии почти десять лет и отдал много сил делу построения социалистической революции на австралийской земле, не говоря уже о земле Англии, Канады, США и Мексики. Вскоре он стал героем различных романов, повестей и очерков, и оказал определенное влияние на знакомых ему писателей. О связях Зузенко с А.Н. Толстым и М.А. Булгаковым я уже писал<sup>3</sup>. Поэтому здесь я буду говорить только о Паустовском и Клименченко, которые уделяют Зузенко гораздо больше внимания.

Цель настоящей статьи – попытаться восстановить и проанализировать литературный образ Зузенко и сравнить легенду, создающуюся с помощью писателей, с реальной биографией героя, насколько это возможно. О реальной жизни этого человека кое-что (но далеко не все) можно узнать из архивных материалов, в частности, из архива Коммунистического Интернационала и австралийских национальных архивов, из газетных статей Зузенко, а также из воспоминаний современников. О русских в Австралии в период Первой мировой войны написано довольно много, особенно об известном соратнике Ленина, Артеме (Федоре Андреевиче Сергееве), который жил в штате Квинсленд с 1911 г. до 1917 г. о Зузенко, по разным причинам, написано меньше, и грани между реальными „фактами” и художественным образом часто стираются, отчасти из-за того, что сам герой был талантливым рассказчиком, который нередко приукрашивал эпизоды из собственной жизни ради „литературного” эффекта.

Так как карьера и творческий путь Паустовского широко известны, я не стану их описывать, а скажу несколько слов о писателе Клименченко (1910–1975 гг.). Имя его не встречается в энциклопедиях и пособиях советской литературы, хотя этот писатель создал значительное количество чисто советских произведений. Он является автором двух романов, двух повестей, и одного тома воспоминаний. Вся его проза посвящена морю, плаванию, дальним странам и странствиям, что неудивительно, так как Юрий Клименченко сам был

<sup>2</sup> Notes for the information of the Hon. E.G. Theodore, acting premier of Queensland, Oct. 1919. Copy in University of Queensland Fryer Library, Poole-Fried Collection, UQFL 336, Box 11, Folder 1, Immigration III.

<sup>3</sup> К. W i n d l e, *Журналист и революционер на трех континентах: А.М. Зузенко и его журналистская деятельность в 1916–1924 гг.* (готовится к печати в „Тыняновском сборнике” 2005, вып. 12); К. W i n d l e, *Orpheus Down Under: A Fragment by A.N. Tolstoi on the career of Captain Zuzenko. Translation and commentary* (готовится к печати).

морьяком, позже капитаном дальнего плавания, с обширными знаниями жизни моряков торгового флота.

Самые известные произведения Клименченко относятся к последним двум десятилетиям его жизни. В трех из них появляется знакомая фигура другого капитана дальнего плавания, к этому времени уже покойного. Зузенко родился в Риге в 1884 г., получил среднее образование в мореходном училище и включился в революционное движение в 1905 г. Позже, если верить высказываниям его товарищей, он хвастался, что был „на эсах” и „на два инча от виселицы”<sup>4</sup>. В Австралию Зузенко прибыл моряком в 1911 г., работал черно-рабочим в разных местах, занимался агитацией, публиковал социалистические и анархистские газеты, и в 1918 г. возглавлял в Брисбене Союз русских рабочих. Как один из зачинщиков уличных беспорядков в марте 1919 г., он был депортирован в Советскую Россию. Там он поступил на службу Коминтерна и в качестве агента Коминтерна вернулся в Австралию в июле 1922 г.<sup>5</sup> Покинув Австралию два месяца спустя, Зузенко вновь взялся за морское дело и плывал капитаном советских теплоходов вплоть до ареста в Ленинграде в апреле 1938. Четыре месяца спустя он был расстрелян за „шпионаж”.

Паустовский и Клименченко были знакомы с Зузенко в разные периоды его жизни. Паустовский познакомился с ним в 1923 г., вскоре после того, как Зузенко вернулся из Австралии и Англии. Несколько месяцев они работали вместе в Москве, в редакциях газет „На вахте” и „Гудок”<sup>6</sup>. Клименченко же знал его несколько лет спустя, когда оба работали на судах Балтийского пароходства.

Известно, что Паустовский использовал рассказы, услышанные от Зузенко в нескольких своих ранних произведениях. Во всех случаях, где у Паустовского речь идет об австралийских плантациях сахарного тростника, о забастовках и демонстрациях на улицах Брисбена, источником материала является Зузенко, хотя на первых порах эта фамилия нигде не появляется<sup>7</sup>. В 1925 г.

---

<sup>4</sup> Г. Б у к о в, *О том, как мы учимся самоуправлению и контролю*, National Archives of Australia, BP4/1 66/4/2165; см. также К. W i n d l e, *Unmajestic bombast: The Brisbane Union of Russian Workers as shown in a 1919 play*, forthcoming in „Australian Slavonic and East European Studies” 2005, vol. 19, Nos. 1–2.

<sup>5</sup> См. К. W i n d l e, *Round the World for the Revolution: A Bolshevik Agent’s Mission to Australia, 1920–22, and His Interrogation by Scotland Yard*, „Revolutionary Russia” 2004, vol. 17, No. 2, Dec., с. 90–118; его же, *The Achilles Heel of British Imperialism: A Comintern Agent reports on his mission to Australia. An annotated translation*, „Australian Slavonic and East European Studies” 2004, vol. 18, Nos. 1–2, с. 143–176.

<sup>6</sup> К. П а у с т о в с к и й, *Океанский дом*. В: *Потерянные романы*, Калуга 1962, с. 184–186; *Повесть о жизни в двух томах*, т. 2, Москва 1966; *Капитан-коммунар*. В: *Морские наброски*, Москва 1925; также в сборнике: *Родина*, Москва 1972. (Текст очерка *Капитан-коммунар* с 1972 г. сильно отличается от текста с 1925 г.).

<sup>7</sup> См. видеозаписи интервью, сделанные Эриком Фридом (Eric Fried) в 1990 г., с Ксенией Александровной Зузенко и Цецилией Михайловной Зузенко. Автор выражает благодарность Эрику Фриду за предоставление этого ценного материала.

Паустовский посвятил своему другу очерк под титулом *Капитан-коммунар*, в котором на протяжении пяти страниц он характеризует громоздкого, неуклюжего человека, из которого „рассказы сыпались [...], как пшено из лопнувшего мешка” (*Родина*, с. 13). Пять лет спустя, с минимальными изменениями Паустовский включил тот же самый материал в роман *Блестающие облака*<sup>8</sup>. Появляются в нем и новые рассказы – возможно, выдуманные – об Австралии, и свежие подробности: у капитана Кравченко (Зузенко) есть австралийская кошка по имени Миссури, с которой он бранится по-английски, чтобы она не забывала языка (*Облака*, с. 220).

Судя по всему, Паустовский потерял из виду капитана, когда их пути разошлись, и нашел для своих романов другой материал. Возможно, Паустовский не знал об аресте и казни Зузенко в 1938 г., а если и знал, то прекрасно понимал, что писать о нем было бы неблагодарно. Однако, в 60-е годы, уже после реабилитации многих жертв репрессий, включая Зузенко, Паустовский возвращается к другу молодости, и наконец дает герою его настоящую фамилию. В *Повести о жизни* он вспоминает совместную работу в рабочих газетах, дружбу с Зузенко и молодыми писателями Бабелем, Грином, Багрицким, Булгаковым и другими, ежедневный путь из Пушкина в Москву и обратно, и лютые морозы января 1924 г., когда умер Ленин (*Повесть о жизни* т. 2, с. 550). „Мы сдружились – пишет Паустовский о Зузенко – очевидно, по резкой противоположности характеров. Зузенко не знал сомнений, я же был полон их сверх меры. Зузенко был грубоват и насмешлив, а я, к своему огорчению, был вежлив даже с трамвайными ворами. Его друг был «строптивым и добрым человеком»” (т. 2, 537), который в шутку называл Паустовского „гнилым интеллигентом и неврастеником” (т. 2, 547), и у него постоянно возникали схватки со „всякими соглашателями, бюрократами, нэппачами, хлюпиками и размагниченными интеллигентами” (т. 2, 552).

В прозе Юрия Клименченко, первый „австралийский” эпизод относится к 1959 г. и отражает знакомство автора с Зузенко в 30-х годах. В романе *Штурман дальнего плавания* мы знакомимся с неким капитаном Виталием Дроздом. Приветствуя на свой советский корабль пассажира из Австралии, Дрозд в нем узнает судью, который в 1909 г. в Сиднее приговорил его к смерти за организацию забастовки животноводов. К ужасу бывшему судье, Дрозд с злорадством дает ему понять, что он и есть тот самый агитатор, по прозвищу „Лонг Билли”, который спасся бегством от виселицы в Австралии лет двадцать тому назад<sup>9</sup>.

О своем знакомстве с Зузенко Клименченко вспоминал позже, в книге воспоминаний *Корабль идет дальше*<sup>10</sup>. В главе названной *Лонг Алек* он рассказы-

<sup>8</sup> К. Паустовский, *Собрание сочинений в 6-и тт.*, т. 1, Москва 1958.

<sup>9</sup> Текст цитируется по изданию Ю. Клименченко, *Штурман дальнего плавания*, Ленинград 1983, с. 317–322.

<sup>10</sup> Ю. Клименченко, *Корабль идет дальше*, Ленинград 1973.

вает о том, как пришел новый капитан на судно *Рошаль*, на котором Клименченко служил матросом. Ходят легенды о революционном прошлом капитана в Риге и в Австралии, где он организовал отсталых рабочих, вел интенсивную агитационную работу вдвоем с знаменитым большевиком Артемом. За эту деятельность капитана депортировали в Одессу, откуда он с трудом пробрался в Москву, где выступил на втором конгрессе Коминтерна делегатом от Австралии. Немного позже Зузенко опять попадает за границу (как, и в каких обстоятельствах, остается неясно) и в Англии его приговаривают к повешению, но, к счастью, советское правительство так высоко ценит работу Зузенко, что обменивает его на английских военнопленных интервентов (количество которых не указано). Автор испытывает уважение к бесстрашному капитану как к настоящему большевику, но, странное дело, добавляет, „как моряк, Зузенко отнюдь не вызывал моего восхищения” (*Корабль*, с. 80, – к этому вопросу я вернусь немного позже). Клименченко слушает с большим интересом и запоминает все рассказы о капитане, потом через несколько лет опять попадает к нему на судно, теперь уже третьим помощником на теплоход *Смольный*, и плавает с ним в Лондон, часто с ним общается, знакомится с руководителями британских коммунистов, Вилли Галлахер и Гарри Поллитт, которые приходит на борт в гости к Зузенко.

Однако самой пространной и подробной попыткой запечатлеть в литературе человека, который оставил, как он говорит, „неизгладимый след” в его сердце (*Корабль*, с. 81), является не мемуар, а большой роман Клименченко *Жизнь и приключения Лонг Алека* (1975), последнее произведение этого автора<sup>11</sup>. Герой романа, Александр Чибисов или, в Австралии, Лонг Алек, родом из Риги, становится убежденным большевиком во время революции 1905 г., когда он учится в мореходном училище. Как умелый организатор, он участвует в событиях первой революции, потом уходит надолго в море, и добирается до Австралии, решив там пожить некоторое время. В Брисбене он знакомится с Артемом, выступающим в романе под собственным именем, и быстро становится его правой рукой. Они вдвоем издают газеты, ведут агитационную работу, стараются сплотить ряды русских эмигрантов и австралийских рабочих и подготовить их к свержению сил австралийского капитала. После февральской революции Артем возвращается в Россию, передав Чибисову ответственность за дело социалистической революции в Австралии, но это работа быстро ведет к аресту и депортации Чибисова в Россию. Кульминационный пункт его карьеры – второй конгресс Третьего Интернационала в 1920 г., на котором он вновь встречается с Артемом и слушает выступление Ленина. После этого героя направляют на работу в иностранный отдел ЧК, и он охотно соглашается на выполнение сложной и опасной миссии в Лондоне (неясно, в чем состоит эта миссия). В Лондоне Чибисов беспечно сходит на берег, во-

---

<sup>11</sup> Ю. Клименченко, *Жизнь и приключения Лонг Алека*, Ленинград 1975.

преки предупреждениям своего начальства. Его сразу арестовывают британские власти, увозят в тюрьму и приговаривают к смерти, однако героя удается обменять на британских военнопленных, и он благополучно возвращается домой. Здесь начинается его вторая морская карьера, теперь уже в качестве капитана советского теплохода, на чем роман фактически заканчивается. Из этого короткого изложения ясно, что в основе романа лежит материал, изложенный в сжатой форме в мемуарах *Корабль идет дальше*.

Если сравнить историю героя в романах и воспоминаниях Паустовского и Клименченко с известными фактами биографии Зузенко, то становится ясно, что несмотря на очевидные различия, в этих произведениях много общего. Во-первых, ни один из авторов не доводит историю капитана до конца, то есть до смерти в тюрьме НКВД в 1938 г. Если Паустовский не знал об этом, потеряв контакт с прототипом своего героя в 1924 г., то Клименченко не мог не знать этого факта, поскольку плавал на *Смольном* и до, и после ареста Капитана<sup>12</sup>. Во-вторых, оба писателя, как в своих художественных произведениях, так и в воспоминаниях, повторяют легенду о том, что англичане или австралийцы приговорили Капитана к смерти за революционную деятельность. Известно, что Зузенко любил об этом говорить, и жена и дети твердо верили в достоверность его захватывающих рассказов. Однако нет никаких сомнений в том, что смертный приговор (по крайней мере, на территории британской империи), как и обмен на британских офицеров – выдумка, как я уже доказал ранее<sup>13</sup>. Любопытно, что эта выдумка жива по сей день и ходит по Интернету<sup>14</sup>. Во-третьих, по-видимому, ни Паустовский ни Клименченко не знает, что после второго конгресса Коминтерна Зузенко из Москвы вернулся в Австралию. Ясно, что герой не мог открыто говорить об этой поездке, поскольку находился на службе Советского правительства и выполнял секретную миссию содействия успешному развитию Коммунистической партии, однако он давал своим слушателям понять, что поехал в Англию и попал в английскую тюрьму. Зузенко действительно сидел три месяца в Брикстонской тюрьме в Лондоне, где его допрашивали представители английских спецслужб, но это случилось после того, как его арестовали в Мельбурне и отправили в Петроград через Лондон.

Из наиболее значительных расхождений у писателей следует отметить то место, которое занимает в их произведениях Артем. У Клименченко Артем является очень важным персонажем, который играет центральную роль в брисбенских событиях и оказывает большое влияние на политическое развитие Чибисова-Зузенко. Артем, как большевик с 1903 г., выступает в роли учителя

---

<sup>12</sup> К. W i n d l e, *Журналист и революционер...*, указ. соч.

<sup>13</sup> См. К. W i n d l e, *Round the World...*, указ. соч., с. 109. Другой писатель, который повторяет эту историю – А.Н. Толстой.

<sup>14</sup> См. <http://www.infolot.ru/forums> Теплоход *Кооперация*.

инстинктивного анархиста Чибисова. Их связывает такая крепкая дружба, что Чибисов болезненно переживает преждевременную смерть Артема<sup>15</sup>. В произведениях же Паустовского об Артеме не сказано ни слова. Даже в очерке *Капитан-Коммунар*, когда речь идет о публикации газет в Австралии, автор ничего не говорит о том, что именно Артем занимался выпуском первых русскоязычных газет в стране. Почему Паустовский обходит этот факт молчанием? Вероятнее всего, он о нем ничего не слышал от первоисточника, т. е. от Зузенко. Известно, что Зузенко с Артемом был знаком, но в его докладных записках Исполкому Коминтерна (ИККИ) сохраняются указания, что он питал к Артему меньше уважения, нежели утверждает Клименченко, и что Зузенко не считал нужным о нем что-нибудь рассказывать<sup>16</sup>.

Здесь мы подходим вплотную к вопросу источников. Для Паустовского единственным источником служили рассказы самого Зузенко о своих приключениях. Паустовский повторяет даже самые неправдоподобные эпизоды и разговоры, например следующий разговор с „президентом Хьюзом” из очерка *Капитана-коммунара (Родина, с. 16)*:

Хьюз сказал его жене:

– Вашего мужа, миссис, следует повесить. Но Австралия гуманна, и я приказал выслать его в распоряжение истинной русской власти – генерала Деникина.

Вряд ли мог состояться такой разговор между премьер-министром Австралии и Цецилией Михайловной Зузенко, поскольку премьер-министр в то время (апрель–май 1919 г.) находился не в Австралии, а в Европе. Более того, Цецилия Михайловна сама, вспоминая те времена, ничего не говорит о таком значительном разговоре. Но надо сказать, что Паустовский прекрасно понимает, что как источник Зузенко не совсем надежен:

История капитанских плаваний, сидения по тюрьмам и религиозных диспутов с патерами была так сложна, что он и сам не мог привести ее в порядок (*Родина, с. 16; Облака, с. 199*).

К этому следует добавить, что некоторые ученые ставили под вопрос надежность Паустовского как свидетеля. В своей книге о Булгакове, известный польский специалист Анджей Дравич, который часто цитирует воспоминания Паустовского, говорит о нем: „był przekonany o prawie wspomnianego do

---

<sup>15</sup> Известно, что Артем, вместе с шестью товарищами, погиб в железнодорожной катастрофе 24 июля 1921 г.

<sup>16</sup> Александр Зузенко Третьему коммунистическому интернационалу, *Доклад о деятельности Союза российских рабочих в Австралии и идейной работе Лиги коммунистов в Квинсленде*. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), 495.94.2, с. 11. Судя по докладу, Зузенко не работал над газетами с Артемом, а начал заниматься этой работой лишь после выезда Артема в Россию. Более того, он сообщает ИККИ, что первые русские газеты в Австралии (т.е. газеты Артема) „успехом не пользовались”.



komponowania realności tak, aby była bardziej barwna i soczysta niż w istocie” (он был убежден в том, что мемуарист имеет полное право представлять действительность так, чтобы она стала более колоритной и сочной, чем она есть на самом деле)<sup>17</sup>.

Тем не менее, многие читатели Паустовского считают его портреты современников вполне точными и верными.

В отличие от Паустовского, Клименченко решил написать длинный роман о капитане. Для этого личное знакомство и рассказы, услышанные от главного персонажа, были недостаточны. Поэтому он обратился к письменным материалам и тщательно изучил все доступные документы и книги об Австралии и о русских в Австралии в данный период. Это значит, в первую очередь, все, что связано с Артемом. Об Артеме написано к этому времени довольно много, например, воспоминания В. Наседкина и А. Серешининова; сохранились переписка Артема и его статьи с 1913 г., в которых он дает подробное описание условий в брисбенской тюрьме<sup>18</sup>.

Здесь следует отметить, что авторы биографий и романов об Артеме с 70-х годов (Николай Кузьмин, Борис Могилевский и др.) черпали материал из тех же источников<sup>19</sup>. Поэтому некоторые австралийские эпизоды, в частности, о тюрьме, появляются в двух или трех из более поздних произведений, посвященных Артему и не только ему: у Кузьмина Артем сидит в брисбенской тюрьме, ест несъедобную кукурузу, спит в неудобном гамаке и моет полы и виселицу, а у Клименченко в идентичных условиях сидит, ест, спит и моет полы (правда, без виселицы) Чибисов (т.е. Зузенко). В обоих случаях источником является статья Артема *Брисбенская тюрьма*. Притом Артем тоже надежен как источник: хотя принято считать, что он был лично знаком с тюремными условиями, поскольку пишет от первого лица и, по-видимому, знает, о чем говорит, теперь, на основе изучения австралийских документов, становится ясно, что он, скорее всего, описывает опыт не свой, а близких товарищей, то есть передает сведения, полученные понаслышке.

Поскольку Клименченко пишет в основном об успехах и достижениях героя, он хранит полное молчание о некоторых неприятностях, связанных со *Смольным* в 1933–37 гг., о столкновениях с финляндскими и датскими кораблями, о пожаре на борту в Лондоне, о столкновении с английской баржей на реке Темзе, в следствие чего утонула баржа<sup>20</sup>. (Может быть, Клименченко имеет в виду именно такие невыигрышные эпизоды, когда намекает на свое неу-

<sup>17</sup> A. D r a w i c z, *Mistrz i diabeł: rzecz o Buthakowie*, Warszawa 2002, с. 21.

<sup>18</sup> А. С е р г е е в, *Счастливая страна: Австралийские очерки*, Москва 1926; см. также К. W i n d l e, *Brisbane Prison: Artem Sergeev describes his experiences of Boggo Road*, 1913, “New Zealand Slavonic Journal” 2004, vol. 38.

<sup>19</sup> Н. К у з ь м и н, *Рассвет. Повесть о Федоре Сергееве*, Москва 1979; Б. М о г и л е в с к и й, *Артем (Федор Сергеев)*, Москва 1960.

<sup>20</sup> “The Times” 1933, 14 Jan., 1936, 24 Feb., 1937, 1 Sept., 1937, 15 Oct.

важение к Зузенко как к моряку.) Незадолго до последнего инцидента, в сентябре 1937 г., в Ленинграде был арестован и вскоре расстрелян судебный врач Домбровский.

Пропуски такого рода, наряду с некоторыми изменениями фактов, характерны для создания данной легенды, как и многих других советских легенд. Но хотя Зузенко был причастен к этому процессу и сам зачастую предоставлял неточную информацию, по мнению многих знакомых, его жизнь и судьба действительно представляли собой нечто крайне необычное. Ввиду того, что в происхождении легенды именно австралийские эпизоды играют важную роль, необходимо сказать несколько слов об изображении Австралии в прозе наших авторов. Наиболее полную картину дает Клименченко в романе *Лонг Алек* (сразу надо оговориться, что автора интересует только та часть австралийской действительности, которая связана с действиями своего героя-революционера). Понятно, что в странах капитала никакой „экзотики” не может быть. Подчеркивается, прежде всего, материальная и духовная бедность рабочих, их политическая отсталость. Один русский рабочий в разговоре с героем дает следующую характеристику местных рабочих: „Ты думаешь, здесь интересуются театром, музыкой, литературой? Огромное большинство населения – нет. [...] Вот спорт любят. Всякие азартные игры, скачки, бега. Ну и, конечно, бары. Этим живут”<sup>21</sup>. Тот же самый русский рабочий напоминает Чибисову, что „и здесь идут классовые бои. И здесь рабочих нещадно эксплуатируют”. И в мемуарах, чтобы не было у читателя никаких иллюзий, автор нам сообщает следующее: „говорили, что Австралия – земной рай, свободная страна. Оказалось все липой. На самом деле нажим на рабочих невероятный, эксплуатация, как и везде” (*Корабль*, с. 77). Несмотря на все трудности, известно, что настоящий Александр Зузенко приложил все усилия, для того чтобы пробиться к сознанию отсталых рабочих и дать толчок к революционному развитию. По-видимому, только после второй депортации он смирился с тем, что ничего из этого не выйдет, что сквозь „британскую дурость” (*Родина*, с. 16) и любовь к спорту и пиву пробиться невозможно.

Изображение Зузенко в русской литературе лишней раз свидетельствует о ненадежности мемуаров, о ненадежности памяти, и заставляет еще раз задуматься о том, как отличаются друг от друга литературные жанры, и как создаются легенды. В мемуарах, очерках и романах о Зузенко получается коллективный портрет, разные элементы которого время от времени противоречат друг другу, может быть, на уровне подробностей, а в целом представляют на редкость единую картину. Оказывается, что художественные произведения, как это ни странно, отступают от фактов не больше, чем так называемые био-

---

<sup>21</sup> Ю. Клименченко, *Жизнь и приключения Лонг Алека*, указ. соч., с. 248; Клименченко взял эти впечатления из письма Артема из Квинсленда с 7 августа 1911 г.; см. *Артем* (Ф.А. Сергеев). *Статьи, речи, письма*, Москва 1983, с. 87; см. также Б. Могилевский, *Артем...*, указ. соч., с. 254–255.

графические и мемуарные. С другой стороны, географический фон, пятый континент, отображается крайне скудно и поверхностно: получается, будто это всего лишь поле действия для отважного революционера, где рабочий класс стонет под капиталистическим гнетом и борется, не очень эффективно, против свирепствующей социальной несправедливости. Но этот недостаток, видимо, связан с представлениями и рассказами самого героя о стране, которую он называл „ахиллесовой пятой британского империализма”, в которой ему не суждено было стать „знаменоносцем социалистической революции”, как он хотел, когда он отправился туда с поручением Коминтерна в 1920 г. Человеку, который стремился преобразовать Австралию по образу и подобию Советского Союза, не удалось этого сделать. Вместе того, чтобы войти в историю героем мировой революции, он стал героем прозы революционной романтики, в которую, однако, не вписывался расстрел в застенках сталинского НКВД. Другим его мемориалом на время стал советский сухогруз, носивший имя *Капитан Зузенко*, по личной рекомендации именно писателя Клименченко, но позже ставший теплоходом *Пинега*. Остаются архивы, которые стали раскрывать свои секреты в Австралии, в Англии и в России, память родных, и литературное наследие писателей знавших и любивших „грубого морского волка” Александра Михайловича Зузенко.